

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ «РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ» ФИЛОСОФИИ Дж. Э. МУРА

На рубеже XIX—XX веков в социально-политической и духовной жизни английского общества сложилась ситуация, благоприятствовавшая появлению и распространению «реалистической» философии — воззрений, базирующихся на представлениях буржуазного «здорового смысла». В этот период буржуазная идеалистическая философская мысль, оставаясь в русле классических традиций, переживала глубокий кризис. «Реализм» выступил одновременно и как реакция на ограниченность классических форм буржуазной философии, и как отказ от тех прогрессивных тенденций, которые классическая буржуазная философия несла в себе. Претендуя на статус философского мышления, основанного на «наивной» вере всего человечества в существование внешнего мира и достоверность знания, «реалистическая» философия встала на путь эклектики, сочетания противоречивых теоретических и методологических установок, демонстрируя несостоятельность претензий на «третью линию» в философии.

Отвергая обветшалые формы философского идеализма, «реализм» по сути дела не затронул гносеологические основы идеалистического миропонимания. Этим обуславливается его непоследовательность, стремление уйти от проблем, четко ориентирующих на материализм и идеализм, постоянно оставляя «лазейки» для идеалистических интерпретаций своих концепций. Отвечая историческим потребностям буржуазной социальной практики, «реалистическая» философия является формой отражения кризиса, который характеризует и материальные основы, и общественное сознание капиталистического общества.

Эти особенности вполне определенно выражены в философских воззрениях Дж. Э. Мура (1874—1958) — одного из виднейших представителей английской буржуазной философии XX века. Примечательной чертой идей Мура, составивших основу не только его собственной «реалистической» концепции, но и некоторых ведущих направлений современной буржуазной философии, является то, что в этих идеях имплицитно, в зародыше, уже содержатся те противоречия, отступления, конфликты, которые нашли исчерпывающее проявление в последующем развитии философского «реализма».

Еще в самом начале своего «реалистического» пути в философии, в статье «Опровержение идеализма» (1903), которую можно принять за отправную точку английского реалистического движения в целом¹, Мур искаженно, поверхностно интерпретировал суть идеалистической доктрины и, соответственно, неверно представил возможный путь построения альтернативной концепции и принял позицию, о которой В. И. Ленин писал: «Тот «позитивизм» и тот «реализм», который прельщал и прельщает бесконечное число путаников, Энгельс объявлял в лучшем случае филистерским приемом тайком протаскивать материализм, публично разнося его и отрекаясь от него!»²

Слабость философской позиции Мура проявилась в его стремлении опровергнуть идеализм и построить альтернативную концепцию, ограничившись методами формальной логики, в неприятии диалектики как метода философского мышления. Пытаясь доказать независимое от сознания существование внешнего мира, не выходя за рамки метафизического способа мышления, Мур дуалистически разрывает и противопоставляет мышление и бытие, сознание и материю и поэтому оказывается не в состоянии верно объяснить процесс познания. Тезис о непосредственной данности сознанию субстанционально независимого от него и противоположного ему материального объекта, внутренняя противоречивость и абсурдность следствий которого в полной мере проявились в предложенной позже американскими неореалистами теории «имманентности независимого», не помог Муру отстоять положение о достоверности знания о внешнем объективном мире.

Противоречивость гносеологической концепции, выраженной Муром в статье «Опровержение идеализма», невозможность объяснить момент непосредственного «схватывания» сознанием материальных объектов, заставили его сосредоточить внимание на проблеме восприятия, на определении возможных путей и объектов познания. Если в упомянутой статье Мур настаивал на том, что материальные объекты могут быть даны сознанию

непосредственно и, следовательно, можно знать об их существовании так же, как и о существовании актов сознания, то впоследствии он допустил значительные изменения в этом пункте своей гносеологии. Суть этого изменения заключалась в принятии, защите и разработке им концепции «чувственно-данного», представляющей определенный вид объектов, представляющих сознанию соответствующие физические объекты.

Не понимая того, что объективность, действительность человеческого мышления доказывается в практике, Мур возлагает надежды на то, что «чувственно-данное» как некая субстанционально усредненная сущность даст возможность обосновать объективность знания. Но эти надежды не оправдались. Многочисленные попытки Мура определить статус «чувственно-данного» посредством анализа их отношения к актам сознания, с одной стороны, и к материальным объектам, с другой, не привели к определенному решению. Принимая по сути материалистический тезис о независимом существовании физического мира и возможности его познания и не желая идти по материалистическому пути его обоснования, Мур запутался в собственных сложных построениях. Признав субстанциональную суверенность сознания и физического мира, он не смог найти и понять связующий их момент, выделить то, что определяет саму возможность познания. Верный принципу неожиданности объекта познания знанию о нем, метафизически воспринимая и интерпретируя этот принцип, Мур не только не находит путь от «чувственно-данного» к физическому объекту, но проводит различие между ощущением и «чувственно-данным». «Чувственно-данное» оказалось для него непреодолимой «стеной» на пути познания к материальному, физическому миру. Обращение к проблеме «чувственно-данного» и признание невозможности последовательного теоретического разрешения этой проблемы предопределили поворот Мура к агностицизму.

Трудности, возникшие при объяснении статуса «чувственно-данного», свидетельствуют о принципиальной несовместимости исходного «реалистического» тезиса Мура с метафизическими, феноменалистическими установками: материалистическое по сути признание объективного существования внешнего мира может быть основой лишь материалистической теории познания, может непротиворечиво вписываться лишь в гносеологию, теорией и методом которой является материалистическая диалектика. И впоследствии Мур вынужден был признать, что на вопрос «Чем является то, что я знаю собственно о чувственно-данном?» «ни один философ до сих пор не предложил ответа, который хотя бы приблизился к определенной истине»³. И себя, очевидно, он не выделял из числа этих философов.

Не отличался большей определенностью и непротиворечивостью еще один, имевший решающее значение в «реалистических» воззрениях Мура, способ решения философских проблем посредством апелляции к «здравому смыслу». В гносеологии Мура утверждения «здорового смысла» играют немаловажную роль, представляя собой «последний суд истинности» любого заключения. По его убеждению представления «здорового смысла» лежат в основе всякого философского утверждения относительно реальности физического мира и возможности его познания и являются истинными в силу своей очевидности. «Единственное доказательство того, что мы действительно знаем внешние явления, — писал Мур, — заключается в том простом факте, что мы их действительно знаем»⁴. Наше убеждение в существовании внешнего мира и достоверности наших знаний о нем не основано на каких-либо доказательствах и выводах — мы убеждены в истинности утверждений «здорового смысла» в силу их «непосредственности», «самоочевидности», считает Мур. Однако правильный тезис о фактической убежденности людей в истинности суждений об объективном существовании внешнего мира независимо от теоретических аргументов Мур принял за непосредственный, в то время как на деле этот тезис опосредован всем опытом практической и теоретической деятельности людей, запечатлен в языке, в представлениях «здорового смысла»⁵.

Признав ограниченность теоретических аргументов в обосновании основных «реалистических» принципов — веры человечества в объективное существование внешнего мира и возможность его познания, т. е. объективную истинность знания, — Мур тем не менее так и не сделал единственно верный и последовательный шаг к материализму. Выбор основного исходного тезиса предопределяет и путь соответствующего исходному основоположению решения философских, теоретико-познавательных проблем. «Наивное» убеждение всего человечества, писал В. И. Ленин об ут-

верждениях «наивного реализма», «сознательно кладется материализмом в основу его теории познания»⁶. Но материалисты также сознательно признают окончательным критерием истинности всех суждений, в том числе и тех, которые Мур признает «самоочевидными», критерий практики.

¹ См.: Богомолов А. С. Английская буржуазная философия XX века.— М., 1973, с. 125.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 360.

³ Moore G. E. Philosophical Papers.— New York, 1959, p. 55.

⁴ Moore G. E. Philosophical Studies.— New York, 1922, p. 160.

⁵ См.: Буржуазная философия XX века.— М., 1974, с. 43.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 66.

С. Ф. ДОБРИНЕВСКИЙ

О СОДЕРЖАНИИ КАТЕГОРИИ «ПОТРЕБНОСТЬ»

В современной литературе категория «потребность» анализируется как философами, так и психологами, социологами, даже кибернетиками. Тем не менее устоявшегося философского определения этой категории пока нет. Нельзя считать достаточным то, что «философский подход к определению понятия потребностей призван интегрировать осуществляемое различными науками... изучение разных аспектов понятия «потребности»¹. Кроме этого, философское определение должно давать основу для исследования наиболее общих законов развития человека, которые не могут быть предметами частных наук. Философское определение понятия «потребности» должно исходить из определенного понимания положения человека в системе общественного производства как субъекта и объекта производства. В этом смысле одним из наиболее приемлемых является последнее из приведенных выше определений.

В настоящей работе в качестве определения использовано известное место из «Введения» К. Маркса: «потребление... создает потребность в новом производстве, стало быть, идеальный, внутренне побуждающий мотив производства, являющийся его предпосылкой»². Однако применение такого определения требует некоторых пояснений. В первую очередь возникает вопрос: как соотносить между собой понятия «потребность в новом производстве» и «потребность в предмете»? Не является ли последний термин несовместимым с принятым нами определением?

Понятие «потребность в предмете», которое является общепринятым, следует все же считать в строгом смысле неточным и неправомерным. Действительно, само по себе объективное существование предмета потребности, пока оно непосредственно не связано с жизнедеятельностью индивида, никакого влияния на него не оказывает. Значимым для человека является лишь момент контакта с предметом потребности, являющийся по существу процессом потребления данного предмета. Категория «потребность» отражает необходимость для человека именно этого процесса потребления, а не предмета как такового. Идеальное полагание предмета потребления есть вместе с тем и идеальное полагание процесса потребления этого предмета, причем именно в этом процессе данный предмет приобретает свою законченную форму предмета потребления. Объект не может быть назван предметом потребности, если отсутствует идеальное полагание всего пути его присвоения индивидом. Аналогично тому, как «только в потреблении продукт становится действительным продуктом»³, только в идеальном полаганом процессе потребления предмет становится действительным предметом потребности. Таким образом, понятие «потребность в предмете» по существу означает «потребность в присвоении, потреблении предмета» и в этом смысле вполне может использоваться, если дело не касается непосредственно анализа диалектики потребностей и производства. В строгом же смысле потребность всегда есть потребность в деятельности, которая является процессом потребления некоторых идеально полагаемых предметов.

Исходя из этой концепции, можно по-другому истолковать соотношение между потребностью и ее предметом, как оно рассматривается в психологии. «В психологии потребностей нужно с самого начала исходить из следующего капитального различия: различия потребности как внутреннего условия, как одной из обязательных предпосылок деятельности и потребности как того, что направляет и регулирует конкретную деятель-